

Здравствуй, дом мой,
засыпной, каркасный,
вросший в степь завалинкой
седой.
Плещет в окна золотисто-красный
солнышка багрянец молодой.
Посреди степного неуюта,
у развилки выбитых дорог,
ты во все глаза глядишь на утро,
словно приглашаешь на порог.
С голубыми под стрехой
просторной,
беленый фасад не измена,
прямо с человеческого восторгом
ты глядишь сегодня на меня.
Так бывает, что в тоске дорожной
промелькнет развездик у путей,
где угрюмый железнодорожник
балует свободой детей.
Промелькнет, добавит грусти,
канет,
а состав уйдет на всех парах...
Только в память навсегда
вчеканит крохотный развездиковский барак.
С мотоциклом у крыльчика
крепким,
с красным флагом, что так
сердцу мил,
с человеком в стационной кепке
да с большими окнами на мир.
Так же, дом мой, вышло и с
тобою —
ты в рассветном золоте пропал.
Промелькнул, как детство
голубое,
а сегодня к сердцу мне припал.
Вы стоите крепко и не просто,
неуют окраинный простя,
детства пролетевшего форпосты,
Родины великой крепости.
***
Озорная, дикая, живая...
Что с тобою случилось, расскажи?
Ты болишь, как рана ножевая,
что доходит прямо до души.
Говорят, что где-то в жарком
цехе,
за красивой этой проходной,
ты забыла прежние утехи,
назвалась покорно женой.
Верю...
И не верится в такое...
Как, судьба, ты все-таки пошла!
Я уехал в поисках покоя —
не нашел.
А ты его нашла.
Значит, все!
Навеки отпускаю.
Знаю, ненавидя и любя,
как лукавит вольница мужская,
в цехе с шуткой тискающая тебя.
Дней в разлуке пролетело много.
И сегодня вправе я спросить:
— Как ты здесь, дикарка-
недотрога,
что меня сумела подкосить?
Да и я не тот сегодня тоже.
Разношерстный жизненный
багаж.
Неустроен, не гожеусь в святоши...
Может быть, согрет город наш?
Продувной с окраин,
неприглядный,
бедолажный, трудный городок.
Я к тебе вернулся.
Ну и ладно!
Слава богу, что вернуться смог.
Занесло бы к черту на кулички,
запуржило, замело пути,
по которым, следуя привычке,
можешь ты на родину прийти.
Сколько было до восторга разных
горизонтов в дымке голубой,
откровений, судеб и соблазнов,
Уводивших круто за собой.
Сколько будет?..
Но в душе однажды
повернется камушек-магнит,
глубоко царапнет гранью
каждой —
и душа о доме заболит.
Озарится грустью первозданной,
и такой повеет чистотой...
Полыхнет подробностью
нежданной
и огнем невысказанной — той,
может быть, не первой,
но великой
дружбы горькой, с разумом
вразрез...
Затянуло память повилкой,
как тропинки старые окрест.
***
Карагач. Знакомое окно
заванеской схвачено лиловой.
И невольно кажется: вот-вот
распахнется крашенная створка —
и лицо курносое всплывет,
выпорхнет смешная поговорка.
Рядышком — лазоревый цветок
в глиняном горшке своим
пригаснет.
Что же может быть еще
прекрасней —
хрупкий смех, задорный
завиток?..
Пацаны играют в городки,
пляшет солнце на нильских
платях...

И глядит на мир из-под руки
дел угрюмый в валенках
подбитых.
Много лет он зябнет на скамье
с верною вишневою клюкою.
Вот он обращается ко мне
взглядом и медлительной рукою:
— Как же, помню... —
Показал: садись.
Закурил, как ножку, папиросу.
— Ты бы заявился анадись...
И — на клюшку, словно знак
вопроса.
— Светкин хахаль одарил
мальцом,
взял развод и на юга подался...
Дым клубился голубым кольцом,
плыли из окошка звуки вальса.
— Мне, Иваныч, это безразлично.
Повидал всего, поколесил...
Что мне до какой-то жизни
личной?
— Сам пришел.
Не я тебя просил.
Повидал, поколесил, дороги... —
затанулся зло и не спеша:
— Голова забыла — помнят ноги,
позабудут ноги — а душа?
Я вот тоже многими не понял,
прожил век одним нескладным
днем...
Может, город про меня не
помнит,
но душа моя всегда при нем.
Кабы всюду так — легко да
гладко,
разве был бы в жизни ералаш?

Александр ПАВЛОВ

СТРЕМНИНА

Рухнула бы первая палатка,
от какой начался город наш.
И меня б, как саваном, накрыла...
А затем — последняя война.
Если и была какая сила —
постаралась, вынула она.
Нынче вся отрада — в этих
окнах...
Вот сию, отсчитываю дни.
Ветеранов слушаю залетных —
шибко складно говорят они.
Скажут: мол, смотри на вещи
просто —
ты не слушай, далеко смотри!
Хахаль Светкин и лицом, и
ростом,
обхождением вышел...
А внутри?
Этого соколика я сразу
разгадал.
Но с бабы спрос какой?
Падкая на броскую заразу,
лишь бы ворковала под рукой.
Ох, уж эти воркачки со стажем!
В чем загвоздка?
Сами доухи!
Ты вот снялся и уехал, скажем...
Он — цветы ей на дом.
И стихи.
Оболтал и крылышки подрезал,
к сердобольной матушке —
подход.
Все-то вроде вдумчиво и трезво...
И попала девка в оборот!
Побледила, притаялась ростом,
и терпеть не может мужика.
Так-то, брат, смотреть на вещи
просто!
Завсегда расчет на дурака.
Нынче — в цехе.
Сам — завод над нею.
Ну, а мне, прикованному тут,
вроде, стало как-то холоднее
без ее проделок и причуд...
Позабылся, валенок потрогал,
глянул на окраинный барак,
тихо встал и выпрямился
строго —
не вопрос, а восклицанья знак.
***
Ох уж ты, железушко-железо!
Бес попутал, соблазнил калым...
Был дружок — да без ножа
зарезал,
взял да съехал в медоносный
Крым.
А кому нужно чужое горе?
Дом купил и прочего всего...
Смотрит на медлительное море,
совершает, стало быть, его.
Мол, железушке возвели до культа.
Далеко приземистый Урал...
Ну и пусть горят себе у пультов,
было время — тоже загорал!
Ох уж ты, железушко-железо!
Был дружок — да без ножа
зарезал.
***
Пологий свет перекрывал
пролеты,
забравшись в цеховые фонари,
струился с появлением зари,
точнее — с окончанием работы.

Пологий свет...
Прошло немало дней —
я усмотрел хорошее начало
под красными пологими
лучами —
начало жизни крохотной моей.
Я понял вкус томительной воды,
воды, как хлеба, сытной
и соленой,
ее прохладу в теле воспаленном,
ее на робе светлые следы.
Пологий свет...
Когда твои лучи
меня среди металла оставляли —
я рисовал их мелом на металле,
чтобы они светили мне в ночи.
Где лишь огонь, высокий
и прямой,
где только сталь лучится до
рассвета,
где ляжешь ты над мутной
быстриной
пологим светом, благодарным
светом.
И только днем, за цеховой
стеной,
ты грядешь вниз широко и
отвесно.
откованный не солнечною
бездной,
а на Земле,
в глухую полночь,
мною!
О, эта ночь!
Над громом бытия,
над ореолом пламени бурлящим,
в какой-то миг вошла душа моя,

Мы роботы в характерах порою,
в своих поступках,
а потом — в труде.
Так пламенные речи демагога
не знают ни начала, ни конца...
А человек пройдет своей дорогой,
поставит твердо посох у крыльца.
Очаг раздует, приготовит пищу
и выйдет в поле, где шумят
хлеба...
Не жизнь его, а он ее отыщет,
и в поиске засветится судьба.
Закон природы и велик, и краток.
Но все же он не создан для
двоих...
Вот почему заметный отпечаток
годов прошедших на друзьях
моих.
Ты думаешь, с великим
наслаждением
они идут на смену, в жаркий цех?
Они идут, как воины в сражение,
они готовы отвечать за всех!
Я точно знаю: далеко не каждый
себя в мечтах металлу посвящал.
Но грянул день — и он пришел
однажды
туда, где грозен в бенешеве
металл.
Он стать хотел пилотом и поэтом,
геологом и черт-те знает кем!
Он мир хотел объездить, а при
этом
любви хотел огромной, насовсем.
Что привело его в крутые стены,
к огню такому, в грохотную муть?

если даже пугливые птицы
к цеху зимник смогли проторить.
Упредив указания слыше,
зная зимы по прошлым годам,
фонари застеклила под крышей,
подготовили цех к холодам.
Но, старинные рюша поверья,
бьются голуби грудью в стекло —
и летят сизаринные перья
прямо к нам, в цеховое тепло.
Нет, на крыше ему не сидится...
Он пикирует в самую хмарь...
До чего беспардонная птица —
этот сизый разбойник сизарь.
Покидая сварливую стаю
по каким-то хозяйским делам,
то промчит над жаркою сталью,
то бесстрашно приблизится к нам.
Коренной, многоопытный житель,
поколеньями вросший в завод...
Что ему не хватает, скажите?
Что его в эти стены зовет?
Лед и пламень.
Кремень и кресало...
Знать, судьба не случайно свела
непомерную тяжесть металла
и небесную легкость крыла.
Где в поту чугунует работа,
дабы в землю по груди не врати,
есть всегда ощущение полета —
золотая стремнина пути.
***
— Ну что ж — весна!
Суров ее закон.
Весь город оживлением запружен,
широк простор освобожденных
крыш.
И, восхищенно, по красивым
лужам
за ручку с мамой топает малыш.
Ему до писка радостно и странно,
он мать торопит и спешит,
спешит...
И словно током в голову:
«Светлана?!»
И не свернуть.
И у обоих вид,
наверное, не лучший...
(Вот так встреча!).
— Ну, здравствуй, что ли,
мужичок!
— Привет!
— Так это твой? —
поджала зябло плечи,
взглянула прямо: знает или нет?
— Андреем звать.
Гуляем вот... по лужам... —
в глазах зажег прежний огонек.
— Мы не нужны.
И нам никто не нужен.
Живем, как в сказке.
Правда же, сынок?
Беги вперед...
Откуда объявился?
Надолго?.. Неужели холостяк?..
Напрасно ждал чего-то,
не женился.
Тебя теперь не соблазнишь никак.
Небось, таких проворных
наводился —
оскомину, как ягодой, набил?..
Я глупо злился, глупо улыбался,
но распрощаться не хватало сил.
Мой камушек магнитный еле-еле
тревожил душу.
Посреди весны
мы уходили в марево апреля,
виновные без видимой вины.
А впереди, расплескивая воду,
довольный встречей маминой
вполне,
шагал мальчишка и вдыхал
свободу,
и синим смехом присягал весне.
Обидой и надеждой залитой,
я слышал, как стучала кровь
по венам...
Она была жестоко откровенна,
отчаянна...
Знакомый завиток
трепало ветром.
Волювалась память.
Нелепое сверлило забыть:
не мог в спецовке заводской
представить
такую лучезарную ее.
И вдруг совсем устало:
— Знаешь, Костя...
Я часто вспоминала наши дни...
Ты, если хочешь, приходи к нам
в гости.
А что не так сказала — извини!
Всего тебе!..
Дышало сердце гулко.
И круто в память врезались тогда
Две эти беззащитные фигурки,
высокий полдень, талая вода.
И эта непредвиденная встреча...
Какой заряд она в себе таит?
Что думаешь об этом, человек?...
Молчит в раздумье камушек-
магнит.
***
Приветствую тебя, мой добрый
гений,
и валенки с галошами твои!..
Собою озаряя день весенний,
не ты ли гонишь звонкие ручьи,
как тот волшебник из далекой
сказки?..
(Окончание на 4-й стр.)

Навстречу 50-летию
ММК. Людям Магнито-
горского металлургиче-
ского комбината.

Главы из поэмы

О чем он думал, глядя на
мартены,
какой себе он уготовил путь?..
Одумайся, очнись, пока
не поздно!
Желаний не топчи, не лезь
в комут.
Какие над тобой сияют звезды,
какие встречи и дороги ждут!
Но есть еще отечество над всеми,
отечество, а выше — ничего.
Нас к стали и огню становится
время,
не спрашивая мнения твоего.
Мы многого хотели бы, но все же
росток вначале, дерево — потом,
сруби, доставь, разбей в мозоли
кожу —
и лишь тогда добротный встанет
дом.
Венец трудов твоих
закономерных,
величественный памятник
мечтам...
В нем будут жить
и не забудут первых,
кто сжег мосты, но протянулся
к вам.
***
Утонувший в ночи по колено,
озаряемый лунным огнем,
город спит, но качается смена
в беготливом трамвае своем.
По каленным, накатанным
рельсам,
год за годом, к сердцам городов,
бесконечным, заботливым рейсом
едет смена для добрых трудов.
С неизменным своим
«Беломором»,
с прибауткой, лихой на подъем,
с откровенным своим разговором
да с обеденным мятым рублем.
На Магнитке, в Кузнецке,
в Тагиле
с молодых, незапамятных пор,
едут люди, простые такие,
и о важном ведут разговор.
Разделяют по полочкам время,
поднимают вопросы ребром.
Или врежут под самое темя,
или выдадут молча «Добро».
Мысли ясны и сжаты, и цепки...
Среди всякой хулы и похвал
ты вернее и чище оценил,
видит бог, никогда не знавал.
Хорошо, бескорыстно, степенно,
повсеместным триумфом труда
проезжает рабочая смена,
и мерцают в ночи города.
Ой, ты, добрая, зямняя злоба!
Под любым фонарем — снегопад.
Первым следом попробуй
сугробы,
первым снегом — до жарких
палат.
Где чудес повстречаешь
не меньше,
чем на самой чужой стороне,
где творятся великие вещи,
и рождаются люди в огне.
Негасимое пламя традиций...
Что о людях теперь говорить,